

Только что закончив трапезу, когда тепло в животе еще не успело окончательно рассеяться, она услышала сухой, лишенный эмоций голос нянюшки У:

— Гэге, время позднее, пора идти к принцессе с утренним приветствием.

Нянюшка пронзительным взглядом, словно факелом, окинула облик Шан Ханьчжи. Та даже не удосужилась приподнять веки, лишь едва слышно фыркнула носом, что должно было сойти за ответ.

Внутренний голос вопил: Опять этот рабочий график — утром поклон, вечером отчет! Настоящий адский офис времен династии Цин! Ну за что мне досталась такая судьба?

Однако на лице застыло холодное равнодушие, словно она была небожительницей, не желающей опускать взор на бранных смертных. Она лениво положила тонкую ладонь на предплечье служанки Ваньюнь. В этой ее нарочитой небрежности было столько детской капризности, будто сонного котенка вытащили из теплой подстилки — даже кости, казалось, обмякли.

Сзади служанки уже тщательно расправили на юбке складки, чтобы не осталось ни единого залома на узоре из выющегося лотоса.

Процессия в окружении нянек и слуг величественно двинулась к главному двору — в самое сердце власти резиденции принцессы.

Они медленно шли по галерее, где отполированные до блеска полы отражали небо, а по обе стороны высились карнизы с облупившейся алой краской, от которых веяло холодом глубокого поместья. Искусственные горки и цветы выглядели изящно, но пугающе безжизненно.

На полпути ноги уже начали ныть. Шан Ханьчжи в душе закусил платочек: В наше время это был бы полноценный туристический объект класса 5А, десять тысяч шагов в день — как пить дать. Хочешь успеть везде? Бери напрокат велосипед!

В резиденции было всего трое хозяев. Остальные родственники Шан Чжилуна, включая Шан Чжисиня, державшего в руках военную власть, сейчас находились далеко в Гуандуне, управляя делами княжества вместе с отцом, Шан Кэси. Их влияние, подобно тяжелой скале, нависало над столичным небосводом.

В главном дворе атмосфера внезапно сгустилась. У ворот стояла мертвая тишина, слуги затаили дыхание.

Шан Ханьчжи шагнула в теплые покои. Воздух был пропитан смесью лекарственных отваров и благовоний. Принцесса сидела на кушетке из розового дерева; на ее ухоженном лице читались и величественность, и усталость.

Ее взгляд скользнул по Шан Ханьчжи, задержавшись на нежной коже и стройной фигуре. В глубине глаз принцессы промелькнули проверка, тревога и тяжесть, но вскоре они вновь стали холодными и властными.

— Вставай, садись, — голос принцессы был лишен теплоты, хотя она внимательно изучала лицо дочери. — Выглядишь вроде бы лучше, но с лечением нельзя расслабляться. Ни один из прописанных отваров пропускать нельзя.

Ее кончики пальцев словно невзначай коснулись живота девушки.

Шан Ханьчжи присела на край вышитого табурета, выпрямила спину, пытаясь сохранить невозмутимость, и надула губки:

— Матушка, ну сколько можно? Эти лекарства и диеты просто невыносимы! В конце концов, небо берет у тех, у кого в избытке, и отдает тем, у кого недостаток. Мой организм такой крепкий, что даже сам Янь-ван при встрече предпочтет обойти меня стороной, не умру я!

Это словосочетание — не умру — прозвучало с детской непосредственностью, в которой таилась ядовитая колкость.

В конце концов разговор неизбежно скатился к катастрофической новости о браке. Лицо Шан Ханьчжи, только что хранившее капризное выражение, застыло, словно лед, а голос зазвенел, как разбитый нефрит:

— Ха! Великая императорская милость? Значит, мою красоту, способную затмить облака и цветы, решили отдать этому Князю Чуню, который валится с ног от малейшего дуновения ветра?! Его телосложение... называть его ивой — только оскорблять дерево, боюсь, он даже слабее меня! Люди же со смеху помрут, глядя на такой союз!

Она высоко задрала подбородок, а в глазах полыхнул огонь.

Внутренний голос: Черт! Как же приятно орать во весь голос!

Принцесса внезапно нахмурилась. Ее взгляд, тяжелый, как горная гряда, придавил девушку к месту, а голос прозвучал подобно ледяной крошке:

— Ханьчжи! Подобных безумных слов я не желаю слышать больше ни разу!

Она подалась вперед, чеканя каждое слово:

— Князь Чунь — кровь дракона и кость феникса, родной брат Его Величества! Раз священная воля объявлена, значит, такова судьба. Милости и кары — все от императора, как ты смеешь обсуждать это?! Это счастье — принимай на коленях, благодаря за милость! Это препятствие — выпрями спину и перешагни его для меня!

Увидев, как в глазах дочери плещется ужас, принцесса чуть смягчила тон, но слова ее остались острыми, как иглы:

— Приди в себя! Этот брак — фундамент твоего положения и жизненно важная нить, связывающая семью Шан с небесной благосклонностью! Благополучие всего нашего рода зависит от того, сможешь ли ты прочно удержаться в статусе супруги Князя Чуна! Понимаешь ты это или нет?!

Давление, подобное цунами, накрыло девушку. Упрямство в глазах Шан Ханьчжи рассыпалось в прах. Опустив длинные ресницы и ссутулив плечи, она едва слышно прошептала:

— Да... дочь... виновата.

В смятении она схватила маленький фарфоровый чайник. В облаке пара две таблетки — для сохранения беременности и для развития ума — бесшумно растворились в изумрудном настое.

— Матушка, не гневайтесь... — Она обеими руками поднесла чашку, подошла мелкими

шажками, низко склонившись в безупречном поклоне. Спина горела от напряжения, а из горла вырвался приторно-сладкий, вкрадчивый голос:

— Матушка так печется о нас... считайте, что я была глупа и неразумна... выпейте чаю, согрейте сердце, не стоит из-за меня портить свое драгоценное здоровье... Дочь... отныне будет во всем слушаться матушку.

Твою мать! Я что, реально умею кокетничать?! Моя принципиальность обнулилась! Система 886, давай скорее кнопку отключения всех желаний!

Хотя голос принцессы оставался суровым, глядя на невиданную ранее покорность дочери и ее мягкие речи, она немного оттаяла. Теплый чай согрел горло, безмолвно смывая недавнюю бурю.

Поставив чашку, принцесса произнесла уже спокойнее, но все так же властно:

— Готовься к свадьбе! Этикет, рукоделие, управление домом — все должно быть в совершенстве! Нянюшки У и Чжоу, следите за ней в оба! Увижу хоть одну ошибку — пеняйте на себя!

Принцесса потерла пальцами теплый край чашки и добавила:

— Позже передадим твоему отцу, пусть даст знать в княжеский дом. Выберите время, чтобы Князь Чунь пригласил тебя прогуляться — в императорский сад, за город или на литературный вечер. До свадьбы нужно успеть наладить хоть какие-то отношения.

Наладить отношения?! Сердце Шан Ханьчжи пропустило удар.

Неприятие, вызванное путаницей в собственной гендерной роли и страхом перед неизбежным, породило глубокую тревогу. Она чувствовала себя насекомым, попавшим в паутину.

Принцесса своим острым взглядом мгновенно уловила, как побелели пальцы дочери и как напряглось ее тело. Уголок губ принцессы тронула холодная усмешка, и она вынесла окончательный вердикт:

— Рожденная в знатном роду, ты наслаждаешься невероятным почетом, а значит, должна осознавать цену этого положения! О том, как достичь процветания семьи и собственного благополучия... повторять дважды не стану.

Холодные оковы политики раздавили остатки сопротивления и ту жалкую крупицу мужского достоинства, что еще теплилась в ней.

В фарфоровой курильнице последний струйка дыма замерла в неподвижном воздухе и безвольно рассеялась — точно так же, как и надежды Шан Ханьчжи.